

Для цитирования: Хромцова Л. С., Бурундукова Е. М., Осипова В. С. Влияние неформальной занятости населения ресурсодобывающего региона Севера на формирование его бюджета // Экономика региона. — 2020. — Т. 16, вып. 2. — С. 666-379

<http://doi.org/10.17059/2020-2-25>

УДК 331.526, 332.133, 332.12

Л. С. Хромцова, Е. М. Бурундукова, В. С. Осипова

Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск, Российская Федерация; e-mail: lhrom@rambler.ru)

ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСУРСОДОБЫВАЮЩЕГО РЕГИОНА СЕВЕРА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО БЮДЖЕТА¹

Анализ социально-экономического положения регионов России и наполняемость региональных бюджетов на современном этапе невозможны без учета проблем неформальной занятости. Публикации по данной теме многочисленны. Однако в них недостаточно раскрыты региональные особенности и причины поведения хозяйствующего субъекта, который не спешит соблюдать требования легализации. Придерживаясь неолиберальной концепции, в рамках которой неформальный сектор рассматривают как следствие избыточной регламентации и завышенного налогообложения государства, были проведены научные исследования. Гипотеза исследования состоит в том, что наличие в регионе неформальной занятости населения способствует формированию бюджетного дефицита и требует разработки мер в части стимулирования легализации доходов самозанятых. Целью исследования явилась определение уровня и причин неформальной занятости в регионе и оценка ее влияния на формирование бюджета. В качестве основных методов исследования выступили эмпирические методы, методы статистического, экономического и финансового анализа. Результаты исследования: проведен опрос населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, который позволил установить характер и основные причины неформальной занятости, на основе анализа регионального бюджета и трудовых ресурсов установлено влияние неформальной занятости на формирование бюджета и определен совокупный эффект, предложена методика оценки влияния имеющегося уровня самозанятости населения региона на формирование его бюджета, учитывающая не только сумму ущерба, нанесенную доходной части регионального бюджета, в связи с непоступлением налоговых платежей, но и ущерб, связанный с завышенными социальными расходами на самозанятых. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке проектов по снижению неформальной трудовой занятости на всех уровнях государственной власти.

Ключевые слова: трудовая занятость, неформальная занятость, самозанятость, социологическое исследование, ресурсодобывающий регион, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, региональный бюджет, доходы и расходы бюджета, международная организация труда, государственная поддержка

Введение

Проблема неформальной занятости в настоящее время становится объектом обсуждения на всех уровнях государственной власти. Неформальная занятость населения сосредотачивает огромное количество ресурсов, которые в случае их легализации могут быть эффективно использованы в экономике страны или отдельного региона. Наличие неучтенных финансовых потоков, формируемых в неформальном секторе, искажает реальные экономические показатели региона (например, уровень налоговых поступлений в бюджет), зани-

жает объемы внутреннего регионального продукта, ухудшает обеспеченность социальными гарантиями населения.

Самозанятость населения как один из видов неформальной занятости существует во всех регионах России.

По данным ФНС РФ, количество самозанятых граждан, осуществляющих деятельность по оказанию услуг физическому лицу, по состоянию на 01.01.2019 достигает 3062 чел. (по состоянию на 01.01.2018 аналогичный показатель составлял 939 чел.)². При этом наибольшая доля зарегистрировавшихся само-

¹ © Хромцова Л. С., Бурундукова Е. М., Осипова В. С. Текст. 2020.

² Статистика по самозанятым гражданам URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения 29.06.2019).

занятых наблюдается в Краснодарском крае, Республике Тыва, Московской области, Москве и Санкт-Петербурге.

Рост свидетельствует о выходе самозанятых граждан из тени, однако сведения о реальном количестве самозанятых остаются предметом споров. Так, по результатам социологического исследования, проведенного РАНХиГС, было выявлено более 8,7 млн чел. (11,7 % экономически активного населения), чьи неофициальные заработки являются основным источником доходов, и 30 млн чел. (40 %) имеют, кроме легальной работы, дополнительную — «неофициальную». Минтруд насчитывает более 12 млн чел., функционирующих в неформальной занятости.

Возможность легализовать свои доходы самозанятым населению дана Правительством РФ посредством Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (далее — Указ).

Пунктом 13 Указа поставлена задача обеспечить благоприятные условия осуществления деятельности самозанятыми гражданами посредством создания нового режима налогообложения, предусматривающего передачу информации о продажах в налоговые органы Российской Федерации в автоматическом режиме, освобождение от обязанности представлять отчетность, а также уплату единого платежа с выручки, включающего в себя страховые взносы. С 1 января 2019 г. в Москве, Московской и Калужской областях и Республике Татарстан начался эксперимент по введению специального налогового режима «налог на профессиональный доход». По итогам первого квартала количество зарегистрированных самозанятых граждан составило: г. Москва — 333 чел. (динамика с 01.01.2019 г. — 2 чел.), Московская область — 276 чел. (динамика с 01.01.2019 г. — 5 чел.), Калужская область — 15 чел. (динамика с 01.01.2019 г. — 4 чел.), Республика Татарстан — 61 чел. (отрицательная динамика с 01.01.2019 г. — 6 чел.)¹.

Таким образом, необходимо провести исследования сдерживающих факторов для легализации бизнеса самозанятыми гражданами.

Обзор литературы

В научной литературе тема неформальной занятости исследуется в работах зарубежных

и российских ученых: К. Харта [1], Г. Филдса [2], Н. Лойза, И. Эльбадави [3], К. Вильямса [4,5], Гимпельсона [5], Р.И. Капелюшникова [7], В.Н. Бобкова, В.Г. Квачева, И.В. Новикововой, Н.В. Локтихиной, М. Риччери [8,9], Р.Л. Агабекян [10], Д. Норта [11], Э. де Сото [12], О.Н. Грабовой, А.Е. Суглобова [13], Р.М. Нуреева, Д.Р. Ахмадеева [14], Е.П. Федоровой, А.В. Яковлевой [15], Г. Ямада [16], Б. Оливера, К. Пруденс [17], А. Вивес, М. Лопез-Руц [18], Ф. Норберта, Ф. Марко [19] и др.

Впервые термин «неформальная занятость» был упомянут в работе британского социолога и антрополога К. Харта «Неформальные доходы и городская занятость в Гане» в 1973 г. и означал «примитивную и разнообразную самозанятость, типичную для обитателей городских трущоб в развивающихся странах» [1]. То есть самозанятость, по его мнению, рассматривается как альтернатива безработице.

Современные исследования зарубежных ученых неформальной занятости, в том числе самозанятости населения, направлены не только на изучение данной проблемы в разрезе стран и регионов, но и на разработку государственных мер (включая господдержку), направленных на ее решение.

Так, Г. Филдс из Корнеллского университета (США) в своем исследовании [2] констатирует, что примерно половина всего бедного населения в мире — это самозанятые. По его мнению, в развивающихся странах государственная политика должна быть направлена на то, чтобы как можно большее число людей получило постоянную работу вместо самозанятости.

Н. Лойза выявляет причины широкого распространения неформальной занятости в арабских странах, устанавливает негативное влияние неформальной занятости на результаты деятельности микро и малых предприятий [3].

В своем исследовании, посвященном дифференциации групп самозанятых в неформальной экономике, К. Вильямс [4] опровергает гипотезу о том, что самозанятые люди, участвующие в неформальной экономике, в основном рассматривались как маргинализованные группы населения, то есть как люди с более низким доходом и проживающие в неблагополучных регионах.

По мнению В.Е. Гимпельсона, «под неформальным сектором обычно понимается совокупность мелких хозяйственных единиц, а также экономическая деятельность, осуществляемая на базе домохозяйств или индивидуально» [6]. Занятые в неформальном секторе

¹ Статистика по самозанятым гражданам URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения 29.06.2019).

объединены в следующие группы: «самозанятые, индивидуальные предприниматели, занятые по найму у физических лиц» [6].

Другой авторитетный ученый, изучающий неформальность на рынке труда, Р.И. Капелюшников рассматривает различные подходы к неформальной занятости: количественный, контрактный, социальный и комбинированный [7].

В многочисленных своих исследованиях В.Г. Бобков и группа соавторов объясняют неформальную занятость с «использованием социологических индикаторов» [8], идентифицируют «различные формы неустойчивости на рынке труда» [9].

На изучение региональных аспектов неформальной занятости направлены исследования Е.С. Дашковой [20], М.В. Исраилова, Л.Х. Джабраиловой [21], Т.А. Лапиной, О.С. Коржовой [22], А.М. Панова [23], В.Н. Салина, В.В. Нарбута [24], Н.В. Тонких, Т.А. Камаровой [25] и др.

В работах [6, 20, 14, 22–25, 27] выявляется региональная дифференциация неформальной занятости в России, оценивается уровень ее распространения, так, выделяются регионы с высоким уровнем неформальной занятости (Северо-Кавказский ФО – 40–60 %) и низким (Центральный ФО – до 13 %). Авторами исследуются факторы, оказывающие влияние на распространение неформальной занятости в регионах, оцениваются прогнозные значения уровня неформальной занятости, совокупные налоговые потери регионального бюджета от неформальной занятости, определяются направления государственной политики по снижению неформальной занятости в различных субъектах Российской Федерации.

В исследовании В.Н. Салина и В.В. Нарбута, посвященном оценке масштаба и влияния неформальной занятости населения России на государственные финансы, авторами выявлена «прямая зависимость между долей неформально занятых и уровнем безработицы и обратная связь с величиной среднедушевых денежных доходов населения, ВРП, величиной инвестиций на душу населения, уровнем развития малого предпринимательства, объемом поступлений налогов и сборов в бюджет на душу населения» [24]. Сформулирован вывод, что «неформальная занятость крайне негативно отражается на собираемости налогов, сборов и иных платежей; региональные бюджеты ежегодно недополучают значительные суммы» [24].

В работе О.А. Цепелева и О.С. Колесниковой [27] предложена методика оценки налоговых

потерь регионального бюджета от теневой экономики, возникающих вследствие уклонения от уплаты налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Однако данная методика не учитывает того, что неформально занятое население может осуществлять свою деятельность не только в качестве наемных работников (и, соответственно, плательщиков только НДФЛ), но и в качестве индивидуальных предпринимателей (то есть плательщиков не НДФЛ, а иных видов налогов, например, единого налога на вмененный доход, патента). К тому же расчет «суммы налога, которая теоретически должна поступить в бюджет при отсутствии влияния теневой экономики» предполагает определение налоговой базы по НДФЛ, что вряд ли представляется возможным ввиду сокрытия доходов неформально занятым населением.

Таким образом несмотря на тот факт, что многие исследователи и эксперты сходятся во мнении относительно отрицательного влияния неформальной занятости на формирование государственного (регионального) бюджета (именно в связи с непоступлением налоговых платежей), методические подходы количественной оценки данного влияния требуют определенного уточнения.

Данные и методы

На каждом этапе исследования применяются определенные методы. Так, на первоначальном этапе исследования используются эмпирические методы (наблюдение, измерение). Основным методом сбора первичной информации явился опрос. Группировка и сравнение показателей, расчет относительных и средних величин, графическая интерпретация анализируемой информации применяются на этапе первичной обработки информации. Изучение состояния и закономерностей развития исследуемых процессов осуществляется с помощью методов статистического, экономического и финансового анализа. Так, например, методы финансового анализа (сравнительного и факторного анализа) были применены для изучения степени влияния неформальной занятости на экономические показатели региона (в частности его бюджета).

В контексте данного исследования изучается такая группа неформально занятых, как самозанятые.

В нашей логике под самозанятыми понимаются трудоспособные физические лица, осуществляющие деятельность в сфере производства и продажи продукции (оказания услуг, выполнения работ), получающие доходы от своей

Таблица
Динамика численности занятых и безработных в ХМАО-Югре^{*}

Показатель	Значение показателя по годам					Отклонение (2018–2014 гг.)
	2014	2015	2016	2017	2018	
Численность постоянного населения (на 1 января), тыс. чел.	1597,2	1612,4	1626,8	1646,1	1655,1	+57,9
Среднегодовая численность занятых в экономике (в возрасте 15–72 лет), тыс. чел.	874,3	877,0	876,7	886,8	894,2	+19,9
Общая численность безработных в соответствии с методологией МОТ (15–72 лет), тыс. чел.	42,1	40,5	41,7	30,0	22,7	-19,4
Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	4,6	4,4	4,5	3,3	2,5	-2,1
Численность зарегистрированных безработных (на конец года), тыс. чел.	4,0	5,0	5,2	4,5	4,4	+0,4
Уровень зарегистрированной безработицы (на конец года), %	0,45	0,54	0,62	0,59	0,51	+0,06

* Составлено авторами на основании данных Росстата. Источник: Официальная статистика. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Рынок труда и занятость населения // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу [Электронный ресурс]. URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat_ru/statistics/hmaStat/employment/ (дата обращения 03.02.2019).

деятельности, которая не предполагает соблюдения трудовых прав, осуществления страховых и налоговых платежей.

Объектом настоящего исследования явилась самозанятость населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее ХМАО-Югра, регион, округ, Югра) и ее влияние на формирование бюджета региона.

В состав ХМАО-Югры входят 22 муниципальных образования¹.

Основным ресурсом для роста и развития региона является трудоспособное население. Налоги с доходов населения являются одним из основных источников поступлений в составе налоговых доходов бюджета округа. В таблице приведены основные показатели, характеризующие трудовые ресурсы ХМАО-Югры.

Данные таблицы позволяют увидеть, что среднегодовая численность населения Югры за последние пять лет выросла на 3,6 %. Численность занятых в экономике региона также растет, но меньшими темпами (на 2,3 %). Рост численности занятых обуславливает обратную динамику показателя численности безработных (по методологии МОТ), который снизился на 19,4 тыс. чел., или 46 %. Однако нужно обратить внимание на такую интересную закономерность: наблюдается снижение уровня безработицы с 4,6 % (в 2014 г.) до 2,5 % (в 2018 г.), в то же время уровень зарегистрированной безработицы в среднем за пять лет имеет постоянное значение (0,5 %) и даже показывает небольшой рост в динамике. В связи

с чем можно предположить, что часть граждан как раз и включена в неформальную занятость.

Особенностью ресурсодобывающего региона Севера является наличие коренных народов севера (далее КМНС) с высоким уровнем скрытой безработицы (проживающих преимущественно в сельской местности), которые, с одной стороны, получают государственную поддержку из регионального бюджета на развитие традиционных промыслов (оленеводство, коневодство, охота, рыболовство и собирательство), с другой стороны, получая доходы от данных промыслов, не спешат их «обнародовать», тем самым лишают окружной бюджет части доходов. Второй особенностью ресурсодобывающего региона является трудовая миграция из стран ближнего зарубежья, мигранты являются преимущественно наемными работниками без оформления официального трудоустройства. В качестве третьей особенности можно указать тот факт, что жители исследуемого региона имеют право досрочного выхода на пенсию на 5 лет раньше установленного пенсионного возраста, в связи с чем оставаясь еще вполне трудоспособными продолжают трудиться, но уже «неофициально».

Кроме того, деятельность официально не оформленных работодателем КМНС, трудовых мигрантов, работающих пенсионеров также не указывается в статистической отчетности региона и недостаточно оценена в социологических опросах с помощью интернет-ресурсов.

Поскольку исследование предполагает оценку влияния неформальной занятости на формирование бюджета региона, целесообразно провести анализ консолидированного

¹ Муниципальные образования [Электронный ресурс]. URL: <https://admhmao.ru/ob-okruge/munitsipalnye-obrazovaniya>.

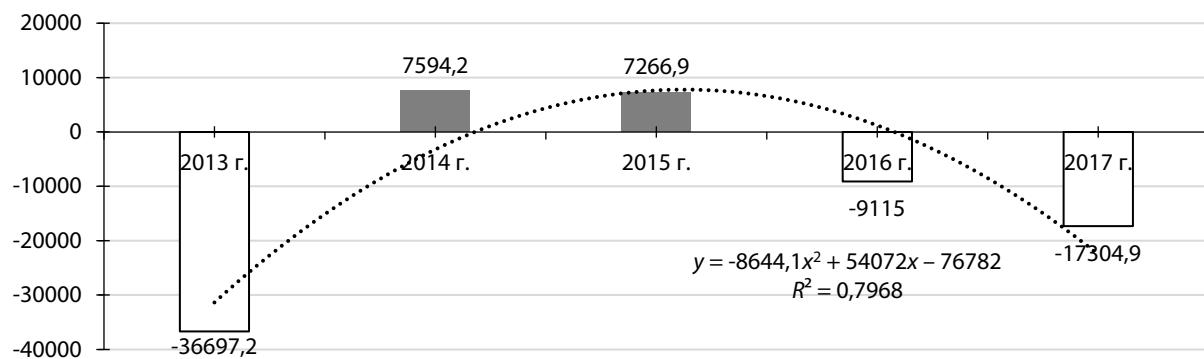

Рис. 1. Динамика результатов консолидированного бюджета ХМАО-Югры, млн руб.

бюджета ХМАО-Югры, в котором отражаются условия баланса доходов с расходами, результаты планирования и реализации финансовой бюджетной политики региона.

На основе официальных статистических данных были агрегированы доходные статьи консолидированного бюджета ХМАО-Югры и рассмотрена структура доходов за пять лет (2013–2017 гг.).

Доходная часть регионального бюджета увеличилась в 2017 г. (193,9 млрд руб.) по сравнению с 2013 г. (229,1 млрд руб.) на 18,2 %. Однако максимальная сумма поступлений в бюджет была в 2015 г. — более 275,3 млрд руб.

Структура доходов бюджета округа на протяжении пяти лет является относительно стабильной: 87–90 % приходится на долю налоговых доходов, неналоговые доходы составляют 6–8 %, удельный вес безвозмездных поступлений (преимущественно от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации) колеблется в пределах 4–6 %.

Основным видом налоговых поступлений в бюджет округа можно назвать НДФЛ, доля которого в структуре совокупных доходов составила в среднем 31 %. Если рассматривать возможность пополнения доходной части регионального бюджета в будущем, необходимо отметить уровни зачисления налога на профессиональный доход: 62,5 % (при ставке 4 %), 75 % (при ставке 6 %) от налоговых доходов. В связи с чем особую актуальность для региона приобретает проблема неформальной занятости населения, поскольку именно от легальных доходов населения и уплаты с них налогов формируется около трети доходов окружного бюджета.

Далее была изучена расходная часть бюджета округа за аналогичный период. В структуре бюджетных расходов Югры просматриваются приоритеты государственного управления: развитие сферы образования, здравоохранения и реализация социальной политики, так

как на финансирование этих трех направлений в среднем выделяются соответственно 27, 17 и 13 % средств бюджета. При этом самыми высокими темпами растут социальные расходы, что свидетельствуют об активной государственной поддержке населения региона. Расходы окружного бюджета за пять лет увеличились на 6,9 %, но несмотря на то, что доходы бюджета по темпам прироста (18,2 %) опережают расходы, происходит наращивание бюджетного дефицита (рис. 1).

Дефицит бюджета в 2017 г. составил более 17,3 млрд руб. и, по прогнозам, не будет сокращаться.

Власти региона должны сделать акцент на разработке программ по привлечению населения к регистрации своих доходов и совершенствовании нормативной правовой базы, регулирующей деятельность самозанятых.

Для проверки сформулированной ранее гипотезы в рамках данного исследования был проведен социологический опрос трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, а также работающих лиц старше пенсионного возраста, в котором приняло участие 1637 респондентов, проживающих и осуществляющих свою деятельность на территории ХМАО-Югры. По данным окружного Департамента труда и занятости населения, в 2018 г. численность трудоспособного населения в трудоспособном возрасте составила 1093,2 тыс. чел., лиц старше трудоспособного возраста, занятых в экономике, — 48,5 тыс. чел.

Применялся такой метод опроса, как анкетирование.

Основной сбор данных производился с использованием конструктора опросов и форм обратной связи Simpoll API.

Также проведение опроса происходило в социальной сети Вконтакте (www.vk.com) через официальные сообщества муниципальных образований ХМАО-Югры, были привлечены информационные ресурсы Фонда поддержки

предпринимательства Югры, центров занятости населения округа.

Для проведения опроса жителей городов Ханты-Мансийск, Нягань, Нефтеюганск, Нижневартовск и Сургут также привлекались волонтеры (студенты Югорского государственного университета).

Анкета-опросник состояла из ряда вопросов, касающихся территориального расположения респондентов, их пола и возраста, уровня образования, социального статуса, уровня доходов, принадлежности к категории «самозанятых» непосредственно опрашиваемых и их родственников / знакомых, сферы деятельности, причин осуществления неформальной трудовой деятельности и др.

Полученные результаты

Далее представим результаты опроса населения.

На вопросы анкеты ответили жители 22 муниципальных образований ХМАО-Югры, представляющие достаточно крупные города и районы. Жители мелких населенных пунктов (в основном сельских поселений) также принимали участие в опросе и были учтены в составе районов.

По формам опроса преобладал онлайн-опрос (54 %), офлайн-опрос использован для изучения мнения 46 % респондентов.

Наиболее крупные стратегически важные многонаселенные города Югры вошли в лидеры опроса по количеству респондентов: г. Сургут (22,1 % опрошенных), г. Нягань (16,5 %), г. Ханты-Мансийск (13,5 %), г. Нефтеюганск (9,6 %). На остальные 18 муниципальных образований пришлось 38,3 % от всех респондентов.

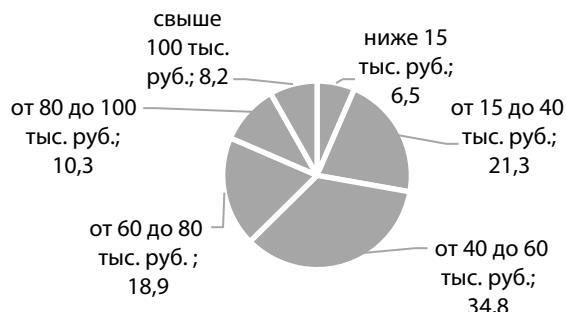
Гендерный состав участников опроса выглядит следующим образом: 62 % – женщины, 48 % – мужчины.

На рисунке 2 продемонстрировано, как распределены респонденты по уровню получаемых доходов.

При этом 68 % опрошенных самозанятых ответили, что доход от их «неофициальной» деятельности является основным доходом, и только 32 % указали в качестве дополнительного дохода.

По уровню образования большая часть респондентов обозначила «высшее образование» (39 %), «среднее профессиональное» (27 %), «общее образование» (22 %).

Результаты ответов на предложенный в анкете вопрос о социальном статусе респондента

Рис. 2. Структура респондентов по уровню доходов, %

показали, что преобладали рабочие и служащие и студенты.

На вопрос об официальном / неофициальном трудоустройстве 16,3 % респондентов ответили, что они сами являются «самозанятыми» или их родственники / знакомые являются таковыми. При этом в анкете давалось четкое определение данной категории, чтобы опрашиваемый понимал, что подразумевается под термином «самозанятый». Территориальное расположение самозанятых на протяжении всего опроса сохранялось приблизительно в одинаковых пропорциях.

Самозанятые граждане отнесли себя к респондентам с различным уровнем доходов (большинство к категории «доход от 15 до 40 тыс. руб.»), что позволило определить среднее значение дохода самозанятого гражданина в месяц на уровне 38,6 тыс. руб.

Сферами деятельности неформально занятых граждан региона в основном явились: услуги в сфере красоты и здоровья (парикмахерские, услуги ногтевого сервиса, массажа и др.) – 23 %, образовательные услуги (репетиторство, курсы, тренинги, выполнение учебных работ на заказ и др.) – 21 %, торговля (в том числе собственной продукцией) – 16 %, услуги в сфере развлечений (аниматоры, организаторы мероприятий) – 6 %, сервисные услуги (ремонтные услуги, бытовые услуги, няни, помощники по дому и др.).

В результате анализа возрастной категории неформально занятых жителей округа был определен средний возраст, который составил 29 лет. Более 68 % опрашиваемых отнесли себя к возрастной категории от 21 года до 30 лет. Интересно, что 7 % респондентов указали возраст до 20 лет, а 2 %, наоборот, выбрали самую возрастную категорию из предложенных «более 70 лет».

Таким образом, достаточно молодое трудоспособное население, которое способно улучшать экономические показатели округа, находится в тени. При этом всего 36 % самозанятых граждан хотели бы легализовать свою нефор-

мальную деятельность, 64 % дали на этот вопрос отрицательный ответ.

На вопрос «Какую систему налогообложения вы выберете?» самозанятые, желающие официально вести свою деятельность, ответили «упрощенную систему налогообложения» (14 %), «патент» (7 %), «единий налог на вмененный доход» (не был выбран участниками опроса), «единий сельскохозяйственный налог» (не был выбран участниками опроса), «налог на доходы физических лиц» (73 %), «затруднились с ответом» (6 %).

В качестве основных причин нежелания выйти из тени, официально оформить и продолжать свою деятельность респонденты указали следующие: высокие налоги (31 %), невозможность найти официальное место работы (26 %) и низкие социальные гарантии (18 % ответов). Также были названы и такие причины: устраивает гибкий график работы, длительное оформление регистрационных документов, коррупция допускающих органов, отсутствие знаний законодательства в области предпринимательства.

Таким образом по результатам опроса населения можно подтвердить гипотезу, что в экономике ХМАО-Югры сформирован сектор неформальной занятости и имеет широкое территориальное распространение (особенно в крупных муниципальных образованиях).

Далее необходимо проверить сформулированную в исследовании гипотезу о том, что наличие в регионе неформальной занятости населения способствует формированию бюджетного дефицита.

Для этого предлагается следующая методика оценки влияния неформальной занятости в регионе на формирование его бюджета:

1. На первом этапе необходимо определить долю самозанятых в структуре населения ХМАО-Югры. Поскольку официальная статистика относительно количества самозанятых в неформальном секторе экономики региона отсутствует, воспользуемся результатами социологического опроса населения, представленными выше. Объем выборки составил 1637 чел., выборка репрезентативна по возрасту трудоспособного населения (при доверительном интервале $95 \pm 2,42\%$).

$$СЗ_{выб} = \frac{Ч_{выб}}{Ч_n} \times 100\%, \quad (1)$$

где $СЗ_{выб}$ — доля самозанятых по данным выборки, чел.; $Ч_{выб}$ — численность самозанятых по данным выборки, чел.; $Ч_n$ — численность опрошенного населения, чел.

Расчет по формуле (1) показал, что доля самозанятых в регионе составила 16,3 %.

Следовательно, численность самозанятых в целом по региону рассчитаем по формуле:

$$ЧСЗ_{пер} = \frac{НЗ_{выб}}{100\%} \times Ч_{зан}, \quad (2)$$

где $ЧСЗ_{пер}$ — численность самозанятых граждан региона, чел.; $Ч_{зан}$ — численность экономически активного населения региона, чел.

Среднегодовая численность экономически активного населения, по оценке Департамента экономического развития ХМАО-Югры, в 2018 г. составила 1026,7 тыс. чел.¹

Применив формулу (2) получим данные о численности самозанятых в ХМАО-Югре по состоянию на 1 января 2019 г. — 167,4 тыс. чел.

2. Второй этап предполагает оценку общей суммы доходов самозанятых граждан региона ($Д_{общ}$).

$$Д_{общ} = ЧСЗ_{пер} \times Д_{ср} \times n, \quad (3)$$

где $Д_{ср}$ — среднемесячный доход самозанятого гражданина по данным опроса, руб.; n — количество месяцев, за которое рассчитывается доход самозанятых граждан.

Среднемесячный доход, исходя из опроса граждан (были учтены только ответы о доходах граждан, которые отнесли себя к самозанятым), составил 38,6 тыс. руб. в месяц. Таким образом, можно предположить, что ежемесячный доход всех неформально занятых составит более 6461,6 млн руб., ежегодный доход достигает 77 539,7 млн руб., что составляет 7,9 % от общей суммы денежных доходов населения ХМАО-Югры в 2018 г.

3. Далее произведем корректировку доходной части регионального бюджета, характеризующую ущерб, нанесенный бюджету в связи с недополучением налоговых поступлений от неформального сектора экономики. Предлагаем производить по следующему алгоритму:

а) определить сумму недополученных доходов от неуплаты НДФЛ, для самозанятых, которые указали, что хотели бы официально трудоустроиться, то есть платить со своих доходов

¹ Отчет Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры о результатах деятельности Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры за 2018 год // Департамент экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры [Электронный ресурс]. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/medialibrary/dfe/Prezentatsiya-otcheta-Gubernatora-18_11_2018-ispravl-12.pdf (дата обращения 25.02.2019).

НДФЛ по стандартной ставке для резидентов РФ.

$$\mathcal{E}_{\text{нДФЛ}} = \frac{C_{\text{нДФЛ}}}{100\%} \times D_{\text{нДФЛ}}, \quad (4)$$

где $\mathcal{E}_{\text{нДФЛ}}$ — эффект от влияния неформальной занятости, характеризующий сумму ущерба, нанесенную доходной части регионального бюджета в связи с неуплатой самозанятыми НДФЛ, руб.; $D_{\text{нДФЛ}}$ — сумма доходов официально трудоустроенных самозанятых, руб.; $C_{\text{нДФЛ}}$ — действующая ставка НДФЛ, установленная для налоговых резидентов РФ, %.

Как видно из представленных ранее данных о структуре налоговых доходов, поступления НДФЛ в 2017 г. составляли 39,3 % от общей величины налоговых доходов и 34,8 % от общей суммы бюджетных доходов. К тому же если рассмотреть динамику структуры основных налоговых поступлений в бюджет региона, то важно отметить, что ежегодно структура существенно меняется: так, если в 2015 г. в структуре налоговых доходов на первом месте были поступления налога на прибыль организаций (41,9 %), на втором — НДФЛ (30,5 %), то в 2017 г. уже НДФЛ занимает наибольшую долю (39,3 %), в то время как доля поступлений налога на прибыль организаций составила всего 22,3 %, то есть сократилась почти в 2 раза.

Поэтому важность поступлений именно по такой статье доходов, как «НДФЛ» для бюджета округа очевидна.

Рассчитанная за 2018 г. сумма ущерба по формуле (4) составила 7963,3 млн руб., то есть регион мог бы получить данные средства в случае легализации трудовой деятельности самозанятых (ответивших, что хотели бы официально трудоустроиться, или затруднившихся с ответом на вопрос «Какую систему налогообложения вы выберите?») и уплаты ими НДФЛ.

б) определить сумму недополученных доходов от неуплаты сумм патентов для самозанятых, которые указали, что хотели бы осуществлять свою деятельность по патентной системе налогообложения.

$$\mathcal{E}_{\text{патент}} = K_{\text{п}} \times \bar{C}_{\text{п}}, \quad (5)$$

где $\mathcal{E}_{\text{патент}}$ — эффект от влияния неформальной занятости, характеризующий сумму ущерба, нанесенную доходной части регионального бюджета в связи с неуплатой самозанятыми сумм патентов, руб.; $K_{\text{п}}$ — количество самозанятых, осуществляющих деятельность на основе ПСН; $\bar{C}_{\text{п}}$ — средняя стоимость патента, рассчитанная исходя из потенциально возможного к получению индивидуальным пред-

принимателем годового дохода (без наемных работников), руб.

Стоимость патента ($C_{\text{п}}$) рассчитывается следующим образом:

$$C_{\text{п}} = ГД \times \frac{HC_{\text{п}}}{100\%}, \quad (6)$$

где ГД — потенциально возможный годовой доход, руб.; $HC_{\text{п}}$ — налоговая ставка при ПСН, %.

Средняя стоимость патента в ХМАО-Югре в 2018 г. рассчитана в соответствии с законом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 09.11.2012 № 123-оз «Об установлении размеров потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода по видам предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система налогообложения», исходя из возможности получения потенциальных доходов самозанятыми гражданами и составляет для предпринимателей городских округов 22 215 руб., для предпринимателей других территорий — 11 108 руб.

Поскольку большая часть опрошенных самозанятых, указавших в качестве системы налогообложения своей деятельности патент, проживает в городах Югры, то доход бюджета от реализации ПСН, полученный от этих предпринимателей составил бы в 2018 г. 182,2 млн руб., от предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на территориях других муниципальных образований — 39,1 млн руб.

Таким образом, общий эффект от влияния неформальной занятости, характеризующий сумму ущерба, нанесенную доходной части регионального бюджета в связи с неуплатой самозанятыми сумм патентов, составил более 221 млн руб.

в) рассчитать сумму недополученных доходов от неуплаты сумм единого налога на вмененный доход (ЕНВД), для самозанятых, которые указали, что хотели бы осуществлять свою деятельность по данной системе налогообложения.

$$\mathcal{E}_{\text{ЕНВД}} = K_{\text{c}} \times D_{\text{баз}} \times \Phi_{\text{П}} \times K_1 \times K_2 \times T \times \frac{C_{\text{ЕНВД}}}{100\%}, \quad (7)$$

где $\mathcal{E}_{\text{ЕНВД}}$ — эффект от влияния неформальной занятости, характеризующий сумму ущерба, нанесенную доходной части регионального бюджета в связи с неуплатой самозанятыми единого налога на вмененный доход, руб.; K_{c} — количество самозанятых, осуществляющих деятельность на основе ЕНВД; $D_{\text{баз}}$ — базовая доходность (определяется Налоговым кодексом РФ и зависит от вида деятельности), руб.; $\Phi_{\text{П}}$ —

величина физического показателя (количество работников, включая ИП, либо площадь занимаемого помещения, либо количество посадочных мест и др. показатели); $K1$ и $K2$ — коэффициенты, устанавливаемые соответственно Минэкономразвития России и муниципальным образованием; T — количество месяцев работы; $C_{ЕНВД}$ — ставка ЕНВД, %.

Поскольку участники социологического опроса не указали возможность осуществления своей деятельности по данной системе налогообложения, то расчет по формуле (7) по региону не представляется возможным.

г) определить сумму недополученных доходов в связи с неуплатой самозанятыми сумм налогов по упрощенной системе налогообложения (УСН) для самозанятых, которые указали, что хотели бы осуществлять свою деятельность по данной системе налогообложения.

$$\mathcal{E}_{УСН} = \frac{C_{УСН}}{100\%} \times D_{УСН}, \quad (8)$$

где $\mathcal{E}_{УСН}$ — эффект от влияния неформальной занятости, характеризующий сумму ущерба, нанесенную доходной части регионального бюджета, в связи с неуплатой налогов с доходов по УСН, руб.; $D_{УСН}$ — сумма доходов самозанятых, осуществляющих уплату налогов по УСН, руб.; $C_{НДФЛ}$ — действующая ставка налога на доходы по УСН в регионе, %.

Доход самозанятых, желающих осуществлять трудовую деятельность по УСН, за 2018 г. составил 10 855,5 млн руб., соответственно, исходя из действующей в регионе налоговой ставки налоговые поступления в бюджет могли бы составить более 542,8 млн руб.

д) определить сумму недополученных доходов в связи с неуплатой сумм единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) для самозанятых, которые указали, что хотели бы осуществлять свою деятельность по данной системе налогообложения.

$$\mathcal{E}_{ЕСХН} = \frac{C_{ЕСХН}}{100\%} \times (D_{ЕСХН} - P_{ЕСХН}), \quad (9)$$

где $\mathcal{E}_{ЕСХН}$ — эффект от влияния неформальной занятости, характеризующий сумму ущерба, нанесенную доходной части регионального бюджета, в связи с неуплатой ЕСХН, руб.; $D_{ЕСХН}$ — сумма доходов самозанятых, осуществляющих уплату ЕСХН, руб.; $P_{ЕСХН}$ — сумма расходов самозанятых, осуществляющих уплату ЕСХН, руб.; $C_{ЕСХН}$ — действующая ставка ЕСХН, %.

Поскольку респонденты также не указали возможность осуществления своей деятельности по данной системе налогообложения, то

расчет по формуле (9) по региону не представляется возможным.

е) определить общую сумму недополученных доходов бюджета в связи с неуплатой обозначенных выше налогов:

$$\mathcal{E}_{\text{общ}} = \sum \mathcal{E}_i \times Y_i, \quad (10)$$

где $\mathcal{E}_{\text{общ}}$ — общий эффект (средневзвешенная оценка) от влияния неформальной занятости, характеризующий сумму ущерба, нанесенную доходной части регионального бюджета, руб.; $\mathcal{E}_i$ — эффект от неуплаты определенного вида налога, руб.; Y_i — вес соответствующего вида налога в общей структуре налоговых доходов регионального бюджета, десятичная дробь.

Определение веса (ранжирование по степени значимости для бюджета региона) происходит методом экспертной оценки. Вес (ранг) каждого из перечисленных видов налогов составит НДФЛ — 0,937, УСН — 0,045, ЕНВД — 0,014, ЕСХН — 0; ПСН — 0,004.

Применив формулу (10) получим сумму общего эффекта — 7486,9 млн руб.

4. На четвертом этапе будет скорректирована расходная часть бюджета, учитывая, что самозанятое население, наряду с официально трудоустроенным гражданами или гражданами, зарегистрировавшими собственный бизнес, также пользуется социальными гарантиями и поддержкой государства. Рассмотрим такую статью расходов бюджета, как социальная политика. Удельный вес расходов округа по данной статье ежегодно увеличивается, причем самыми высокими темпами (по сравнению со всеми остальными статьями расходов). Прирост за пять лет составил 54,8 %. Таким образом, Югра активно реализует государственные программы в сфере социальной политики (государственная социальная помощь, социальное обслуживание населения, социальная поддержка семьи и др.).

Эффект от влияния неформальной занятости, выраженный в виде ущерба для бюджета округа в связи с завышенными социальными расходами, по нашему мнению, можно определить так:

$$\mathcal{E}_{РБ} = РБ_{\text{сп}} \times \frac{НЗ_{\text{выб}}}{100\%}, \quad (11)$$

где $\mathcal{E}_{РБ}$ — сумма ущерба, нанесенная расходной части регионального бюджета, в связи с тем, что неформально занятые пользуются социальными гарантиями и поддержкой от государства, руб.; $РБ_{\text{сп}}$ — сумма расходов бюджета по статье «социальная политика» в год, руб.

Так, в 2018 г. сумма расходов по статье «социальная политика» из бюджета ХМАО-Югры составила 44 131,5 млн руб., следовательно, сумма ущерба — 7 193,4 млн руб.

5. На последнем этапе рассчитаем совокупный эффект от влияния неформальной занятости, характеризующий ущерб ($\mathcal{E}_{\text{сов}}$), который наносит бюджету распространение в регионе самозанятости населения.

$$\mathcal{E}_{\text{сов}} = \mathcal{E}_{\text{дб}} + \mathcal{E}_{\text{рб}}. \quad (12)$$

Таким образом совокупный ущерб для бюджета Югры, по данным 2018 г., составил более 14 680,3 млн руб.

Заключение

Результаты данного исследования подтверждают выдвинутую ранее гипотезу. Выявленный уровень самозанятости населения региона оказывает отрицательное влияние на формирование консолидированного бюджета.

Результаты опроса населения и предложенная методика оценки совокупного эффекта от влияния неформальной занятости могут быть использованы в деятельности межведомственных комиссий по проблемам оплаты труда муниципальных образований ХМАО-Югры в части легализации системы отношений, связанных с установлением и осуществлением работодателем выплат работникам за их труд.

В настоящее время Правительство ХМАО — Югры активно работает над вопросами снижения безработицы и снижения неформальной занятости населения региона. Так, для поддержки и развития малого бизнеса в округе имеется развитая инфраструктура: Фонд поддержки предпринимательства Югры, Технопарк высоких технологий, Фонд развития Югры, Югорская региональная микрокредитная компания, Союз «Торгово-промышленная палата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» и др.

Однако этих мер явно недостаточно для того, чтобы самозанятые начали официально регистрировать свои доходы и платить налоги.

По данным, полученным в ходе опроса трудоспособного населения региона, можно обозначить ряд проблем, решение которых позволит сократить неформальную занятость:

- низкая финансовая грамотность населения (относительно организации собственного бизнеса, систем налогообложения для индивидуальных предпринимателей и др.);

- недоверие самозанятых граждан к органам власти (так, например, была указана коррупционная составляющая; бюрократические препоны при оформлении документов);

- отсутствие нормативных правовых актов, определяющих статус самозанятого;

- недостаточность вакансий в организациях и учреждениях округа для официального трудоустройства самозанятых;

- социальная незащищенность самозанятых граждан.

Выделенные проблемы оказывают совместное влияние на рост неформальной занятости и, как следствие, рост бюджетного дефицита.

В настоящее время у Правительства ХМАО-Югры отсутствует нормативная правовая база по регулированию деятельности самозанятых граждан.

Самозанятые граждане региона не ведут какой-либо официальной документации, то есть предоставляют услуги, выполняют работы и продают продукцию без использования хозяйственных договоров, контрольно-кассовой техники, товарных чеков и т. д. В связи с чем можно предположить, что их клиентами являются физические лица. Поэтому при проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «налог на профессиональный доход» в ХМАО-Югре в 2018 г. бюджет мог бы пополниться на сумму более чем 3,1 млрд руб. в виде налоговых поступлений НПД, существенно мог бы сократиться дефицит бюджета.

В заключении отметим, что для решения проблем, связанных с неформальной занятостью, региональным властям необходимо принять законодательные акты, регулирующие правовой и социальный статус, порядок осуществления трудовой деятельности самозанятого населения.

Рост количества официальных трудовых мест и повышение заработной платы при относительно стабильных ценах должны стать одной из главных задач Правительства автономного округа с целью обеспечения снижения уровня неформальной занятости.

Однако труд мигрантов, активно привлекаемых строительными организациями, нефтедобывающим сектором региона, а также сферой торговли, является низкооплачиваемым и не стимулирует работодателей нанимать высококвалифицированную рабочую силу, выплачиваюю достойную заработную плату и предоставляя все социальные гарантии. В связи с этим региональные власти должны разработать механизмы воздействия на таких работодателей.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» в рамках научного гранта № 13-01-20/41.

Список источников

1. Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies. — 1973. — Vol. 11, № 1. — P. 61–89.
2. Gary S. Fields Self-employment and poverty in developing countries // IZA World of Labor. — 2019. — Vol. 60. — P. 1–10. — doi: 10.15185.
3. Elbadawi I., Loayza N. Informality, Employment and Economic Development in the Arab World // Journal of Development and Economic Policies. — 2008. — Vol. 10, № 2. — P. 27–71.
4. Williams C., Horodnic I. Self-employment, the informal economy and the marginalisation thesis: Some evidence from the European Union // International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research. — 2015. — Vol. 21, № 2. — P. 224–242. — doi: 10.1108/IJEBR-10-2014-0184.
5. Williams C. Beyond the formal economy: evaluating the level of employment in informal sector enterprises in global perspective // Journal of Development Entrepreneurship. — 2013. — Vol. 18, № 4. — P. 1–21. — doi: 10.1142/S1084946713500271.
6. Гимпельсон В. Е. Неформальная занятость в России. Ч. 1 // Demoscope Weekly [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0107/tema01.php> (дата обращения: 15.02.2019).
7. Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России. Что говорят альтернативные определения? // Журнал Новой Экономической Ассоциации. — 2013. — № 4 (20) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econorus.org/repec/journl/2013-20-52-83r.pdf> (дата обращения: 05.02.2019).
8. Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда / Бобков В. Н., Квачев В. Г., Локтиухина Н. В., Риччери М. // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 3. — С. 672–683. — doi 10.17059/2017-3–3.
9. Бобков В. Н., Квачев В. Г., Новикова И. В. Неустойчивая занятость в регионах Российской Федерации. Результаты социологического исследования // Экономика региона. — 2018. — Т.14, вып. 2 — С. 366–379. — doi 10.17059/2018-2–3.
10. Агабекян Р.Л. Роль и значение неформальной самозанятости в экономике современной России // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 11. — С. 443–451.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.library.fa.ru/files/North.pdf> (дата обращения: 16.10.2018).
12. де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. — М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://vixri.com/d/Ernando%20de%20Soto%20_INOJ%20PUT%20Nevidimaja%20revoljucija%20v%20t.pdf. (дата обращения: 19.11.2018).
13. Грабова О. Н., Суглобов А. Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России. Риски и пути их // Экономика. Налоги. Право. — 2017. — № 6. — С. 108–116.
14. Нуриев Р. М., Ахмадеев Д. Р. Формальная и неформальная занятость как «близнецы-братья». Современная Российская практика // Terra economicus. — 2015. — Т. 13, № 3. — С. 16–33. — doi 10.18522/2073–6606–2015–3–16–33.
15. Федорова Е. П., Яковлева А. В. Неформальная занятость в России. Тенденции. Причины // Научный журнал НИУ ИТМО. — 2014. — № 2. — (Экономика и экологический менеджмент)[Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnaya-zanyatost-v-rossii-tendentsii-prichiny> (дата обращения: 25.01.2019).
16. Yamada G. Urban Informal Employment and Self-Employment in Developing Countries: Theory and Evidence // Economic Development and Cultural Change. — 1996. — Vol. 44, № 2. — P. 289–31. — doi: 10.1086/452214.
17. Olivier B., Prudence K. Earnings Structures, Informal Employment, and Self-Employment: New Evidence from Brazil, Mexico and South Africa // Review of Income and Wealth. — 2011. — Vol. 57. — P. 100–122.
18. Informal employment, unpaid care work, and health status in Spanish-speaking Central American countries: a gender-based approach / López-Ruiz M., Artazcoz L., Vives A., Rojas M., Fernando G. // International Journal of Public Health. — 2017. — Vol. 62, № 2. — P. 209–218.
19. Norbert F., Fugazza M., William M. Exchange Rate Appreciations, Labor Market Rigidities, and Informality // Policy Research. Working Paper. — 2002. — № 2771 [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/19335/wps2771.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 10.11.2018).
20. Дацкова Е. С., Дорохова Н. В. Неформальная занятость в Воронежской области. Подходы к исследованию и прогноз динамики // Вестник Университета. — 2016. — № 4. — С. 212–216.
21. Исраилов М. В., Джабраилова Л. Х. Проблемы неформальной занятости в регионе // Российское предпринимательство. — 2013. — Т. 14, № 10. — С. 94–99.
22. Лапина Т. А., Коржова О. С. Динамика видов нестандартной занятости в Омской области в 2010–2015 гг. // Вестник Омского университета. — 2017. — № 4. — С. 162–171. — (Экономика). — doi 10.25513/1812–3988.2017.4.162–171.

23. Панов А. М. Неустойчивая занятость в Вологодской области. Состояние и тенденции // Экономические и социальные перемены. Факты. Тенденции. Прогноз. — 2016. — № 4. — С. 206–222. — doi 10.15838/esc/2016.4.46.12.
24. Салин В. Н., Нарбут В. В. Неформальная занятость населения России. Оценка масштаба и влияния на государственные финансы страны // Финансы. Теория и Практика. — 2017. — № 6. — С. 60–69. — doi 10.26794/2587-5671-2017-21-6-60-69.
25. Тонких Н. В., Камарова Т. А. Оценка распространенности нестандартной занятости на рынке труда Свердловской области Российской Федерации по результатам социологического исследования // Вестник Омского университета. — 2017. — № 2. — С. 185–196. — (Экономика).
26. Шагиахметов М. Р. Влияние неформальной занятости на налогообложение в современных условиях // Вестник Казанского технологического университета. — 2008. — № 1. — С. 148–156.
27. Цепелев О. А., Колесникова О. С. Оценка влияния теневой экономики на величину налоговых доходов бюджета. Региональный аспект // Региональная экономика. Теория и практика. — 2017. — Т. 15. — Вып. 5. — С. 832–844.

Информация об авторах

Хромцова Лина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, Институт цифровой экономики; доцент, Югорский государственный университет; ORCID: 0000-0001-6481-9785 (Российская Федерация, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16; e-mail: lhrom@rambler.ru).

Бурундукова Елена Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, Институт цифровой экономики; доцент, Югорский государственный университет; ORCID: 0000-0002-1492-4912 (Российская Федерация, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16; e-mail: e_burundukova@ugrasu.ru).

Осипова Виктория Сергеевна — магистр экономики, Институт цифровой экономики; Югорский государственный университет (Российская Федерация, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16; e-mail: osipova_vika86@mail.ru).

For citation: Khromtsova, L. S., Burundukova, E. M. & Osipova, V. S. (2020). The Impact of Informal Employment of the Population of the Northern Resource-Producing Region on Its Budget. Ekonomika regiona [Economy of Region], 16(2), 666–379

L. S. Khromtsova, E. M. Burundukova, V. S. Osipova
Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian Federation; e-mail: lhrom@rambler.ru)

The Impact of Informal Employment of the Population of the Northern Resource-Producing Region on Its Budget

It is currently impossible to analyse the socio-economic situation and the budgets of the Russian regions without taking into account the problems of informal employment. There is a wide variety of publications on this topic. However, they do not sufficiently address the regional features and reasons for the behaviour of economic entities, which do not wish to comply with the legalization requirements. We conducted the research based on the neoliberal concept, which considers the informal sector as a consequence of the excessive regulation and state taxation. We hypothesise that the existence of informal employment in the region results in a budget deficit and requires the development of measures promoting the legalization of self-employed income. The study determined the level and causes of the regional informal employment, and assessed its impact on the budget. As a research methodology, we applied empirical methods, statistical, economic and financial analysis. The survey of the population of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, established the nature and the main causes of informal employment. Based on the analysis of the regional budget and labour resources, we have examined the impact of informal employment on the budget and determined its cumulative effect. Finally, we have proposed a methodology for assessing how the existing level of self-employment influences the regional budget. This methodology takes into account not only the damage caused to the regional budget revenue due to the lack of tax payments, but also the damage associated with excessive social expenditures on the self-employed population. The research results can be used for developing the projects aimed at reducing informal employment at all levels of government.

Keywords: employment, informal employment, self-employment, sociological research, resource-producing region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, regional budget, budget revenues, budget expenditures, international labour organization, state support

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of the Yugra State University, the grant No 13-01-20/41.

References

1. Hart, K. (1973). Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *Journal of Modern African Studies*, 11(1), 61–89.
2. Fields, G. S. (2019). Self-employment and poverty in developing countries. *IZA World of Labor*, 60, 1–10. DOI: 10.15185.
3. Elbadawi, I. & Loayza, N. (2008). Informality Employment and Economic Development in the Arab World. *Journal of Development and Economic Policies*, 10(2), 27–71.

4. Williams, C. & Horodnic A. (2015). Self-employment, the informal economy and the marginalisation thesis: Some evidence from the European Union. *International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research*, 21(2), 224–242. DOI: 10.1108/IJEBR-10-2014-0184.
5. Williams, C. (2013). Beyond the formal economy: evaluating the level of employment in informal sector enterprises in global perspective. *Journal of Development Entrepreneurship*, 18(4), 1–21. DOI: 10.1142/S1084946713500271.
6. Gimpelson, V. E. (2018). Neformalnaya zanyatost v Rossii. Chast 1. [Informal employment in Russia. Part one]. *Demoscope Weekly*. Retrieved from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0107/tema01.php> (Date of access: 02.15.2019) (In Russ.).
7. Kapeliushnikov, R. I. (2013). Neformalnaya zanyatost v Rossii: chto govoryat alternativnye opredeleniya? [Informality in the Russian Labor Market: What Do Alternative Definitions Tell Us?]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 4(20), 52–83. Retrieved from: <http://www.econorus.org/repec/journl/2013-20-52-83r.pdf> (Date of access: 05.02.2019) (In Russ.)
8. Bobkov, V. N., Kvachev, V. G., Loktyukhina, N. V. & Ricceri, M. (2017). Kriterii, veroyatnost i stepen neustoychivosti zanyatosti s uchetom osobennostey rossiyskogo rynka truda [Criteria, Probability and Degree of Instability of Employment Taking into Account the Features of the Russian Labour Market]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 13(3), 672–683. DOI: 10.17059/2017-3-3. (In Russ.)
9. Bobkov, V. N., Kvachev, V. G. & Novikova, I. V. (2018). Neustoychivaya zanyatost v regionakh Rossiyskoy Federatsii. Rezulatyatsiologicheskogo issledovaniya [Precarious Employment in the Regions of Russian Federation: Sociological Survey Results]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(2), 366–379. DOI: 10.17059/2018-2-3. (In Russ.)
10. Agabekyan, R. L. (2013). Rol i znachenie neformalnoy samozanyatosti v ekonomike sovremennoy Rossii [The role and importance of informal self-employment in the economy of modern Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 11, 443–451. (In Russ.)
11. North, D. (1997). *Instituty, institutionalnye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki [Institutions, institutional change and economic performance]*. Trans. From English. Moscow: Nachala, 180. Retrieved from: <http://www.library.fa.ru/files/North.pdf> (Date of access: 16.10.2018) (In Russ.)
12. de Soto, H. (1998). *Inoy put. Nevidimaya revolyutsiya v tretem mire [The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World]*. Trans. From English. Moscow: Catallaxy, 320. Retrieved from: http://vixri.com/d/Ernando%20de%20Soto%20_INOJ%20PUT%20Nevidimaja%20revoljucija%20v%20t.pdf. (Date of access: 19.11.2018) (In Russ.)
13. Grabova, O. N. & Suglobov, A. E. (2017). Problemy vykhoda «iz teni» samozanyatykh lits v Rossii. Riski i puti ikh preodoleniya [he Problems of “De-Shadowing” of Self-Employed People in Russia: Risks and Coping Mechanisms]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics. Taxes. Law]*, 6, 108–116. (In Russ.)
14. Nureev, R. M. & Akhmadeev, D. R. (2015). Formalnaya i neformalnaya zanyatost kak «bliznetsy-bratya». Sovremennaya Rossiyskaya praktika [Formal and informal employment as «twins brothers»: modern Russian practice]. *Terra Economus*, 3, 16–33. DOI: 10.18522 / 2073-6606-2015-3-16-33. (In Russ.)
15. Fedorova, E. P. & Yakovleva, A. V. (2014). Neformalnaya zanyatost v Rossii. Tendentsii. Prichiny [Informal employment in Russia: trends, causes]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment [Scientific journal NRU ITMO. Series «Economics and Environmental Management»]*, 2. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnaya-zanyatost-v-rossii-tendentsii-prichiny> (Date of access: 25.01.2019) (In Russ.)
16. Yamada, G. (1996). Urban Informal Employment and Self-Employment in Developing Countries: Theory and Evidence. *Economic Development and Cultural Change*, 44(2), 289–314. DOI: 10.1086/452214.
17. Olivier, B. & Prudence, K. (2011). Earnings Structures, Informal Employment, and Self-Employment: New Evidence from Brazil, Mexico and South Africa. *Review of Income and Wealth*, 57, 100–122.
18. López-Ruiz, M., Artazcoz, L., Vives, A., Rojas, M. & Fernando, G. (2017). Informal employment, unpaid care work, and health status in Spanish-speaking Central American countries: a gender-based approach. *International Journal of Public Health*, 62(2), 209–218.
19. Norbert, F., Marco, F. & William, M. (2002). *Exchange Rate Appreciations, Labor Market Rigidities, and Informality*. Policy Research. Working Paper. 2771. Retrieved from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/19335/wps2771.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. (Date of access: 10.11.2018).
20. Dashkova, E. S. & Dorokhova, N. V. (2016). Neformalnaya zanyatost v Voronezhskoy oblasti. Podkhody k issledovaniyu i prognoz dinamiki [Informal employment in Voronezh region: approaches to the study and forecast of dynamics]. *Vestnik Universiteta*, 4, 212–216. (In Russ.)
21. Israilov, M. V. & Dzhabrailova L. Kh. (2013). Problemy neformalnoy zanyatosti v regione [The problems of informal employment in the region]. *Rossiyskoe predprinimatelstvo [The Russian Journal of Entrepreneurship]*, 14(10), 94–99. (In Russ.)
22. Lapina, T. A. & Korzhova, O. S. (2017). Dinamika vidov nestandardnoy zanyatosti v Omskoy oblasti v 2010–2015 gg. [The dynamics of the types of non-standard employment in the Omsk region in 2010–2015]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Ekonomika" [Herald of Omsk University. Series "Economics"]*, 4, 162–171. DOI: 10.25513 / 1812-3988.2017.4.162-171. (In Russ.)
23. Panov, A. M. (2016). Neustoychivaya zanyatost v Vologodskoy oblasti. Sostoyanie i tendentsii [Precarious Employment in the Vologda Oblast: Current State and Trends]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny. Fakty. Tendentsii. Prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 4, 206–222. DOI: 10.15838/esc/2016.4.46.12. (In Russ.)

24. Salin, V. N. & Narbut, V. V. (2017). Neformalnaya zanyatost naseleniya Rossii. Otsenka mashtaba i vliyaniya na gosudarstvennye finansy strany [Informal Employment of the Population of Russia: Assessment of the Scale and the Impact on Public Finances of the Country]. *Finansy. Teoriya i Praktika [Finance: Theory and Practice]*, 6, 60–69. DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-6-60-69. (In Russ.)
25. Tonkikh, N. V. & Kamarova, T. A. (2017). Otsenka rasprostranennosti nestandardnoy zanyatosti na rynke truda Sverdlovskoy oblasti Rossiyskoy Federatsii po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya [Appraisal of precariousness distribution on labour market in Sverdlovsk region of the Russian Federation on the basis of social research]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Ekonomika" [Herald of Omsk University. Series "Economics"]*, 2, 185–196. (In Russ.)
26. Shagiakmetov, M. R. (2008). Vliyanie neformalnoy zanyatosti na nalogoblozhenie v sovremennykh usloviyakh [The impact of informal employment on taxation in modern conditions]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of the Technological University]*, 1, 148–156. (In Russ.)
27. Tsepelev, O. A. & Kolesnikova, O. S. (2017). Otsenka vliyaniya tenevoy ekonomiki na velichinu nalogovykh dokhodov byudzheta. Regionalnyy aspekt [Assessment of the impact of shadow economy on the amount of tax revenue: A regional perspective]. *Regionalnaya ekonomika. Teoriya i praktika [Regional economics: theory and practice]*, 15(5), 832–844. (In Russ.)

Authors

Lina Sergeevna Khromtsova — PhD in Economics, Associate Professor, Institute of Digital Economy, Yugra State University; ORCID: 0000-0001-6481-9785 (16, Chekhova St., Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation; e-mail: lhrom@rambler.ru).

Elena Mikhaylovna Burundukova — PhD in Economics, Associate Professor, Institute of Digital Economy, Yugra State University; ORCID: 0000-0002-1492-4912 9785 (16, Chekhova St., Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation; e-mail: e_burundukova@ugrasu.ru).

Viktoria Sergeevna Osipova — Master of Economics, Institute of Digital Economy, Yugra State University (16, Chekhova St., Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation; e-mail: osipova_vika86@mail.ru).